

Окуджаве снова...

Новые иврсоня - 1999 - 10 сент. с. 7

Говорить о любви к нему, как о любви к Пушкину, смысла не имеет.

Он был независим.

Откликался только на то, что его задевало. К остальному равнодушен. Равнодушны мы все, но он не притворялся.

Счастье его знать — больше, чем петь и читать. Недаром такой спрос на людей, знавших Пушкина.

Пока еще нас много, знавших его.

Вот мы в Болгарии. Мой первый выезд. До этого был еще выезд в Румынию, но его можно не считать. Абсолютно и полностью. Не хочу.

Вот он сказал:

— Хочешь, возьми у меня денег. Мне нужна только палатка...

А у меня с деньгами сложные отношения. Я в этом состоянии неприятен. Вначале жаден, потом от стыда расточителен.

Он был равнодушен.

— Возьми, Миша.

Это в Болгарии.

Это деньги.

Я задрожал:

— Я отдам.

— Как хочешь.

Нельзя так с нами...

Мы начинаем бормотать. Вначале внутри, потом снаружи:

«Да... Откуда у него?... Видишь, имеет... И квартира, и поездки... А тут...»

Нельзя с нами открыто и щедро. Ищем мы. Нельзя нам давать, нельзя нам помогать бескорыстно. Непонятно нам становится. «Чего это он?», — бормочем мы, выходя и сжимая в руках куртку.

— Носи, Михаил...

«Чего это он? С жиру, что ли, бесится?»

— Может быть, тебе чего-то еще нужно?

«Ты смотри, сколько у него всего...»

Однако воспитываем друг друга. Один становится хуже, другой становится хуже...

— Заходи, когда захочешь. Без звонка. Ну просто заходи. Пообедаем. Поговорим...

И ты, конечно, не идешь. А где ты обедаешь и с кем говоришь, видно по нездоровому лицу и слышно по жалкому запасу слов.

А мужество определяется в старости, когда есть что терять.

В молодости — это бесстрашие. Он когда жил, он стоял между нами и смертью.

Как получится с его песнями, разберутся дети, а то, что у них живого такого не будет, — это жаль.

Их жаль.

Они пока не понимают. Они еще не понимают. Им кажется — бросай все, начинай зарабатывать. Они бросили все и пустились зарабатывать.

Не поют, а зарабатывают пенем.

Не шутят, а зарабатывают шутками.

От этого все, чем они занимаются, имеет такой вид.

А то, что они бросили, начинается цениться еще больше. То есть дорожать. Они пока не понимают, что интеллектом можно больше заработать. Другое дело, что интеллект не желает этим заниматься, а делает что-то интересное для себя и от этого имеет непрестижный вид. Но, когда тебя знают, пошевели пальцем, и не надо машины мыть или стрелять в подъезде.

Они бросились петь, шуметь и собирать копейки по самой поверхности и очень боятся глубины, где совсем другие люди.

А чистота и совесть дают прекрасную жизнь.

Вся страна следит одним взглядом и долго ворчит, если ей кажется, что он ошибся.

— Как же вы за него пошли, мы тоже за него пошли.

— Так вы же могли пойти за другого.

— Но вы-то за него. Мы же вам верим.

Большой капитал начинается с криминала.

Большое имя — с чистоты.

Он не ошибался. И голосовал он правильно. И свобода у нас есть. Значит, должно появиться что-то еще.

В том, как народные массы за-

танцевали, что они запели, чем заговорили, — свобода не виновата. Открыли крышку, и пахло. Но надо же когда-нибудь...

Умные рванули подальше от запаха, поближе к аромату... А мы сидим, дышим.

Когда-то в давнем разговоре, в частной беседе на частной квартире он дал новой власти четыре условия:

Освободить Сахарова.

Прекратить войну в Афганистане.

Вернуть Солженицына.

Открыть двери из страны.

Она их выполнила.

Он дожил.

И еще он узнал, что значит, когда вся страна с любовью произносит его имя.

Он это узнал и ушел молча. Без благодарности. Как уходил всегда.

